

ПОТЕРИ НЕ ОПРАВДАТЬ

Вы для нас подковы ковали,
А мы большую цену платили...

Александр Башлачев

Они призывались вместе. Про их ровесников говорят – прямо со школьной скамьи. Владимир Подоляка только что окончил Вологодское железнодорожное училище, Александр Погодин – выпускник Череповецкого лесомеханического техникума. Оказались в одной команде, которую направили сначала в Ленинград, а затем – “скорым ходом” – в Иолотань. Обкатывались на выжженном беспощадным солнцем плато, развивали навыки возможных жарких схваток с неведомым пока противником.

Они почувствовали, что противник обретает свои осязаемые черты, когда вместе с москвичами, ленинградцами, архангельскими и мурманскими парнями снялись и двинулись в Таджикистан. Их принял военный аэродром, и вскоре новобранцы оказались на территории южного и беспокойного соседа. Кто-то пошутил: “...знакомые вселица!” – имея в виду уже испытанную на себе природу и таджикский вроде бы ландшафт.

Первые впечатления обманчивы. Постепенно они наполнялись тревогой: новобранцы уже повидали результаты обстрела мятежниками большого города Кундуза – центра провинции Кундуз; они побывали в памятном местечке, в окрестностях Кабула, где в 1842 году афганцы полностью разгромили английский экспедиционный корпус численностью более 20 тысяч человек – в живых оставили только военного доктора. Гордый, свободолюбивый народ.

– И нас встречали без объятий, – рассказывал Владимир Подоляка. – Одно село поддерживало, другое – против... Когда мы вошли туда и немного во все вникли, увидели тринадцатый век. Там и граней-то между классами не обнаружишь. Для мусульман средневекового образа жизни и

капитализм – благо. И мы оказались как бы между двух огней. Как теперь стало известно, симпатии народа были на стороне оппозиции. За короткое время после нашего прихода она выросла с 30 до 200 с лишним тысяч. А с другой стороны, мы выполняли свой воинский долг. И, надо сказать, – честно.

Служба есть служба. День хороший, день плохой. И нет ценнее свидетельств о жарких афганских днях, чем рассказы самих “афганцев”. Ибо свидетельства эти оплачены самой страшной ценой – гибелью боевых товарищей и безутешными слезами их родителей и осиротевших детей.

Но “афганцы” очень неохотно делятся своими воспоминаниями, особенно о боевых действиях. Против кого воевали? Понимают: при Тараки и Амине отвергался любой компромисс с оппозицией. Но и потом, при Кармале, продолжал действовать силовой подход в решении внутренних проблем. Кармаль “свои расчеты строил на том, что советские войска будут бесконечно долго находиться в Афганистане и выполнять функции охраны режима. Он постоянно обращался к руководству Советского Союза с просьбами о проведении боевых операций в различных районах страны, считая военный путь основным в борьбе с мятежниками. Его просьбы удовлетворялись. В итоге наши части, по существу, превратились в решающую силу, обеспечивающую существование республиканской власти”*.

Конечно, благородное дело – помочь тому, кто слабее тебя. Другое дело – в какой форме. Но с оружием в руках?!

– Все дальше и дальше отодвигаются события, – с грустью размышляет Владимир, – как на киноплёнке, которую прокручивают в обратную сторону. Мы знали одно: во что бы то ни стало доставить в столицу Афганистана продовольствие, товары первой необходимости. А в нас стреляли. Одно попадание артиллерийского снаряда или ракеты – и нет автомашины с мукой, хлебом или одеждой. Нас пытались уничтожить. Мы были начеку: при необходимости занимали огневую позицию, применяли имеющееся у нас оружие. Колонны достигали цели. Но в памяти остались не только мрачные воспоминания. В городе Пули-Хумри с помощью советских специалистов и воинов сооружались цементный завод, ГЭС, элеватор, новая школа.

---

* Тайны афганской войны. С. 78.

На открытии школы побывали и наши земляки. Вместе с учащимися оформляли классы, залы, сажали деревья. И тогда же Александра Погодина попросили помочь одному из местных старейшин в изучении русского языка.

В Афганистане Александр Погодин был наводчиком, как он выражался, “хороших штучек” – ракет ближнего боя. Приходилось ему участвовать и в обычных операциях. А обычными считались такие... Группа наших, уже бывалых, обстрелянных солдат вышла на заданный рубеж. Нужно было обезвредить группировку моджахедов. А это не так просто. Кругом бахчевые поля с дынями и арбузами – под прицелом душманов, фруктовые деревья, за которыми могли прятаться мятежники. Надо было провести визуальную разведку. Александр и его сослуживцы поползли в сторону предполагаемого противника. Осторожно. И вскоре услышали чужие голоса. Притаились. И в обратный путь. Ударили по цели неожиданно, засевшие в кишлаке душманы не успели опомниться. Все они оказались в плену. Обошлось без потерь. Наши не жаждали крови.

А сколько таких операций!

– Александр, как и все мы, прошел крещение огнем и кровью, – продолжает Владимир. – Я приехал домой в июле 1984 года. А Сашу почему-то задержали. Он пришел проводить меня. А сам так и не вернулся на Родину. Писал я своим однополчанам, расспрашивал, что с Александром. И никто ничего определенного не ответил. Спокойных районов в Афганистане не было. Любое патрулирование могло кончиться трагически. А какой он был доброжелательный, общительный... Потери наши оправдать нельзя.

На фото Саша – молодой, улыбающийся, веселые, ласковые глаза.

– Он сам был фотолюбителем, – замечает его мама Елизавета Андреевна.

– В техникуме ежегодно получал Почетные грамоты, – подсказывает отец, Виктор Семенович, – и за учебу, и за общественную работу. Иногда, бывало, спрошу его: “Куда, сынок, собираешься?” – “Пошел другу помочь”. Такой он. И в письмах из Афганистана ни на что не жаловался. Одно обидно – многие не понимают их, “афганцев”. Да и не хотят понимать.

– Когда наши уходили из Афганистана, в честь этого события мы назвали свою дочь Викторией, – вступил в разговор Владимир. – Вывод войск закончился 15-го числа, а дочь родилась 18 февраля.

– А вот как заходили в Афганистан – памяти не будет, – утверждает Виктор Семенович. – За девять лет ни одного фотодокумента не обнародовали. А теперь наши парни оказались еще и как бы виноватыми – зачем, мол, они туда входили. Эта мысль прозвучала даже в стихотворении Евтушенко “Афганский муравей”. Вот и сын с тревогой спрашивал в письме: “Наверное, там разное про нас говорят?” А конкретно, что его тревожит, не раскрыл, нельзя. Все в секрете. В какой-то мере понимаю. Самому довелось изведать фронтовой жизни. Знаю, что такое секретность.

Фронтовая жизнь у Виктора Семеновича началась с семнадцати лет; он охранял от фашистских налетов Мурманск. Демобилизовавшись, бригадирствовал в колхозе “Заветы Ильича”, потом сел за трактор и весной 1954 года вспахал 450 гектаров, перекрыв норму в полтора раза. По набору ушел монтажником на развернувшуюся стройку Череповецкого металлургического завода – в Коксохим-монтаж. Не жалел сил, возводя новые объекты. И все это сказалось на состоянии здоровья. В 1971 году его так согнуло, что два месяца провалялся в больнице и вышел инвалидом.

И все же по возможности трудился, гордился, что сын так и не познал ни горького вкуса спиртного, ни запаха сигарет. А вот как привезли его из Афганистана в гробу, сильно подтекавшем, Виктор Семенович слег в постель. Девять дней хлопотали над ним врачи, а поднять по-настоящему так и не смогли. На улицу долго не выходил, все думал: из-за чего наши “афганцы” в гробах лежат; осмысливал скудную информацию, да так и не мог разобраться, зачем помогать строительству социализма в стране, в которой, по рассказам знающих людей, общество носит общинно-повелительный характер, в стране, где сильны родоплеменные традиции. Не отсюда ли и секретность всего, что там происходило? И сын писал почти одно и то же: “Живем весело. Привет из Демократической Республики Афганистан!” А в его последних письмах – слова о скором возвращении: “Уже забрали военный билет, остается 61 день до приезда домой”; “Я уже почти гражданский человек”; “Жду коня до дома”.

А вместо коня – гроб.

Б. Андриюшанов